

Тяжелый вздох вырвался из груди, и морщинистая рука коснулась четок. Изумрудный цвет, подсвеченный солнцем, казался еще более насыщенным, словно отражал то сияние, что исходило от юноши, покинувшего её сегодня. Она и впрямь не хотела, чтобы этот свет, способный озарить клан Гу, погас. Но если цена за то, чтобы оставить этот луч света, — законный сын клана, ей пришлось бы принять решение.

— Если так, то для Су-эра клан Гу больше не имеет значения.

Тот, кто отступится от клана Гу, будет и кланом отвергнут. Даже самый острый клинок, если не умеешь им владеть, следует уничтожить полностью, дабы он не обратился против тебя самого.

Матушка Суй, уловив скрытый смысл в её словах, знала: приказы хозяйки не обсуждаются. Помолчав, она с сомнением спросила:

— Но разве старая госпожа не говорила, что даже сын от наложницы, если его правильно использовать, может принести славу клану?

— Я говорила это, но...

Старая госпожа легонько усмехнулась, пальцы её вдруг сжали четки, медленно подняли их в воздух, а затем резко разжались, позволив стеклянным бусинам рассыпаться по полу.

— Думала, что это шакал, но сегодня увидела — тигр. Шакала можно подкупить, но тигр жесток по природе. Как можно укротить его, если перед ним свежее мясо?

Старая госпожа махнула рукой, отпуская и матушку Суй, и сама, перестав перебирать четки, подперла голову рукой, закрыла глаза и погрузилась в раздумья. А тем временем у дверей Гу Чжису наконец дождался Цинхуань: проводив Гу Чжицзин, служанка поспешила вернуться за своим господином.

Он уже собирался уйти, как вдруг услышал за спиной голос, полный ледяной насмешки.

— Гу Чжису, у тебя и впрямь талант. Даже родную сестру подставить сумел. Я думала, ты не представляешь угрозы, но, похоже, недооценила тебя.

Услышав это, Гу Чжису с улыбкой обернулся, окинул взглядом стоящих рядом служанок и понял: сейчас он у покоев старой госпожи, и она может знать о каждом его движении. К тому же, если госпоже Цзюнь захочется, она без труда узнает о сегодняшнем случае. Поэтому он ни в коем случае не мог признаться в том, что действительно подстроил Гу Чжицзин и вызвал у неё сыпь.

Хотя он знал, что госпожа Цзюнь, увидев возвращенную Гу Чжицзин, вспомнит об одежде, которую он велел Ху Я найти — ту, что была пропитана слюной больного ветряной сыпью, — его лицо оставалось спокойным. Пальцы в рукаве чуть шевельнулись, а губы непроизвольно выгнулись в улыбку, когда он мягко возразил:

— Матушка, не стоит меня превозносить. О каком подстрекательстве сестры вы говорите? Чжису не может признать это. Если матушка так думает о Чжису, то это слишком большая честь, которую я не заслуживаю.

Госпожа Синь, заметив его отрешенный вид, поняла, что он действовал не сговорившись с госпожой Цзюнь. Это открытие поразило её словно ударом, и в мгновение ока созрел коварный

план.

«У твоей сестры сыпь, и это точно связано с тобой. Посмотрим, как отреагирует госпожа Цзюнь, и сколько ты еще будешь торжествовать!»

— Чжису провожает матушку.

Гу Чжису, погруженный в сложные мысли, не обратил внимания на её выражение, но, проводив её взглядом, выпрямился и спросил Цинхуань:

— А где седьмая молодая госпожа?

Цинхуань, проводив Гу Чжицзин, всё это время молчала, словно в трансе. Услышав вопрос, она словно очнулась и, потупившись, ответила:

— Молодой господин... Седьмая молодая госпожа... уже возвращена в покои её матери...

— В самом деле? Тем лучше.

Гу Чжису на мгновение задумался, а затем, словно очнувшись, выдохнул и пошел вперед, его голос был таким тихим, что мог раствориться в ветру.

— Всё же лучше оказаться в покоях матери с сыпью, чем оставаться рядом с матушкой, не так ли, Цинхуань?

Цинхуань услышала это и тут же остановилась. Она хотела что-то сказать, но колебалась:

— Но молодой господин... эта сыпь... мы не знаем, может быть, это оспа? Если это оспа...

Гу Чжису, заметив, что она остановилась, тоже замер. Через мгновение он тихо произнес:

— Это не оспа, просто ветряная сыпь, что появляется на ветру. Если не прикасаться к её вещам, никто не заразится, и жизни это не угрожает.

Цинхуань удивилась:

— Молодой господин... Вы... Вы даже не смотрели, откуда вы знаете?

— Это тебе лучше не знать.

Гу Чжису отвернулся, бросил взгляд на Цинхуань, и в его глазах промелькнул скрытый огонек. Выражение его лица было столь сложным, что у Цинхуань от тяжести на душе защемило сердце, и она не нашлась, что ответить. Долго они молчали, пока Гу Чжису не заговорил вновь:

— Даже если это не оспа, если плохо ухаживать или расчесать сыпь, на лице останутся шрамы. Мать какое-то время будет ухаживать за Цзин-эр и, скорее всего, не выйдет из покоев, чтобы искать меня. Я тоже не хочу её больше видеть.

Цинхуань не смогла понять смысл его слов. Видя, что он снова пошел вперед, она поспешила следом. Они шли, пока не оказались в укромном углу, где не было ни служанок, ни слуг. Только тогда она с трудом на лице тихо и тревожно прошептала ему в спину:

— Молодой господин... Вы в последнее время... как будто странный... Цинхуань не знает, что происходит, и не такая способная, как сестра Цинь-эр или Мэн-эр, но молодой господин не

должен всё скрывать от Цинхуань. Цинхуань с детства рядом с вами, и если вы хотите что-то сделать, Цинхуань тоже может помочь...

Гу Чжису, услышав её слова, резко замер. Повернувшись, он посмотрел на неё темным, глубоким взглядом, в котором плескался странный свет. На губах не было ни улыбки, выражение лица было загадочным, словно он и смеялся, и не смеялся одновременно:

— Даже на убийство ты решишься?

— У... убийство?

Цинхуань от этих двух слов мгновенно побледнела. Она уже тревожилась из-за того, что молодой господин в последнее время стал каким-то скрытным и сблизился с Ху Цинь-эр и Ху Я. Ей казалось, что её добрый и кроткий господин сбился с истинного пути. Услышав же об убийстве, она в страхе ухватилась за край его одежды, позабыв о Гу Чжицзин, и с дрожью в голосе спросила:

— Молодой господин... Вы... Вы хотите убить... кого?

Гу Чжису, видя её страх, рассмеялся. Он потрепал её по причёске и, словно в шутку, произнес:

— А если я скажу, что хочу убить того, кто жаждет моей смерти?

Услышав это, лицо Цинхуань изменилось. Страх и сомнения уступили место решимости. Хотя голос её дрожал, она ответила твердо:

— Если... если это враг молодого господина, Цинхуань посмеет... она точно посмеет!

— Хорошо.

Гу Чжису, видя её решимость, понял, что она говорит от чистого сердца. Но он также знал, что такая мягкая и робкая девушка, как Цинхуань, будет защищать его ценой собственной жизни, но не сможет стать его клинком, подобно Хань Мэн. Плюс ко всему, он был многим ей обязан и не хотел втягивать её в подобные дела. Он улыбнулся и, похлопав её по голове, сказал:

— Ты добрая и слабая, и о некоторых вещах тебе лучше не знать. Просто наливай чай и не беспокойся ни о чем остальном... Через пару лет, когда подрастешь, я подыщу тебе мужа, выдам замуж, и ты проживешь спокойную жизнь, хорошо?

Цинхуань не ожидала, что он сразу заговорит о замужестве. Она покраснела и, опустив голову, тихо промолвила:

— Цинхуань не хочет замуж. Цинхуань хочет следовать за молодым господином! Куда бы вы ни пошли, Цинхуань пойдет за вами!

Гу Чжису посмотрел на неё долгим взглядом. Вспомнив её реакцию, он невольно подумал о том, как в прошлый раз тот человек застал их с Цинхуань за «волокиством». На его лице появилось неуловимое выражение, и он, словно не ведая, что творит, произнес:

— А если я вдруг... не останусь мужчиной-шуан, а выйду замуж?